

Н.Г. Леонова

Москва в судьбе
Сергея Есенина

Книга 1

Наталья Г. Леонова
Москва в судьбе Сергея
Есенина. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68987124

Москва в судьбе Сергея Есенина. Книга 1:

ISBN 978-5-6044874-3-3

Аннотация

Книга, которую вы держите в руках, уникальна: автор приглашает вас на прогулку по заповедным местам Москвы, хранящим память о «легкой походке» самого обаятельного поэта России – Сергея Есенина.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Казанский вокзал	9
Первый московский адрес	12
Щипок, дом № 30/66	15
Малая Дмитровка, дом 1	18
Большой Путинковский переулок, дом 1	21
Суриковский литературный кружок	24
Журнал «Млечный путь»	30
Работа в Типографии И.Д. Сытина	35
Николай Сардановский	42
Большая Полянка, дом 7	46
Миусская площадь, дом 6	49
Глазовский переулок, дом 5/9	52
Третьяковская галерея	57
Свято-Даниловский монастырь	60
Театральная история	63
Большая Никитская, дом 58	68
Сергей Есенин и Юргис Балтрушайтис	71
«Скоропечатня А.А. Левенсона»	78
Малый Знаменский переулок, дом 8	83
Марфо-Мариинская Обитель	86
Храм Христа Спасителя	90

Малая Молчановка, дом 8	93
Сергей Есенин и эсеры	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Наталья Леонова
Москва в судьбе Сергея
Есенина. Книга 1

© Леонова Наталья, 2023

От автора

В 1912 году юный Сережа Есенин оставил свой «край, задумчивый и нежный», где все вокруг пронизано красотой, где он любил «с разбега по ровному полю заре на закорки вскочить», и отправился в Москву, в этот «каменный мешок», как на войну, как на бой за свое место в мире поэзии. Он отчаянно верил в себя и упорно трудился. Он «вошел в русскую литературу как равный великим художникам слова» – так чуть позже сказал о нем поэт Николай Клюев. С тех пор Сергей Есенин бывал в родном селе наездами. Он кожей чувствовал трагедию, произошедшую с Россией, он ругал заградительные отряды и коммунистов и защищал мешочников, он понимал, что город обижает деревню, но всем сердцем рвался в Москву, отравленный ядом возможностей самореализации. Он полюбил «этот город вязевый» всем сердцем и Москва тоже полюбила его. Из дальних странствий Сергей Есенин писал своему, тогда еще другу, Анатолию Мариегофу: «В голове у меня одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски»... Как-то на Книжной ярмарке я заметила бюстик любимого поэта. «Кто это у вас?» – спросила вихрастого продавца. «Серега!» – улыбнулся продавец. Поверьте, не было в этих словах панибратства. Братство – было. Его имя звучит как пароль. Его любит народ, а народ – это все, а не какая-нибудь группка людей. На Ва-

ганьковском кладбище по памятным датам встречаются породственному: студенты, творческая элита, романтические девушки (при жизни поэта таких называли «невестами Есенина», ими ехидно подкусывал поэта Николай Клюев), представители городской администрации, священники, мужички бомжеватого вида, домохозяйки, могильщики, гордо называющие себя «магелланами», бизнесмены с охранниками, приезжие... Сам Сергей Есенин определял своих по отношению к России, говорил поэту Рюрику Ивневу: «Я поэт России, а Россия огромна. И вот многие, для которых Россия только географическая карта, меня не любят». Студентом Народного университета им. А.Л. Шанявского, Есенин с придыханием говорил сокурснику Боре Сорокину, земляку Виссариона Белинского: «Ходить по классным комнатам, где когда-то сидел за партой Белинский, думать, что вот он стоял у этого окна, входил в подъезд гимназии, а после уроков тихими улицами спешил домой...» Вот и замысел этой книги возник из радостного ощущения: на этих «московских изогнутых улицах», на этих бульварах, по которым Есенин любил «прошвырнуться», в этих, пока еще сохранившихся, зданиях остались его невидимые легкие следы. Так давайте же пройдем по этим следам. По Москве Сергея Есенина... Немыслимой красоты природа родного Константинова пробудила в юноше поэтическую душу, Петербург-Петроград-Ленинград первым признал его поэтический дар и принял его последний вздох. А Москва, так и не предоставив бездомно-

му поэту жилья, сама стала его домом, его судьбой.

Строго придерживаться хронологии оказалось трудно, так как многие главки охватывают события большого временного промежутка, поэтому деление на периоды условно. Список использованной литературы пришлось бы издать отдельным томом: настолько он велик. Основой этой работы послужили: редкое издание В. Белоусова «Сергей Есенин. Литературная хроника» в 2-х томах; «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина» в 5 томах и 7 книгах, подготовленная Институтом мировой литературы; Адресно-справочные выпуски «Вся Москва», труды В. Баранова, есениноведа из Самары; великолепные справочники москвоведов Ю. Федосюка и С. Романюка. Особая благодарность – коллективу Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева и Павлу Алексеевичу Леонову. Книга посвящается ныне покойным психиатру из Чебоксар Геннадию Петрушову и есениноведу из Симферополя Валерию Мешкову.

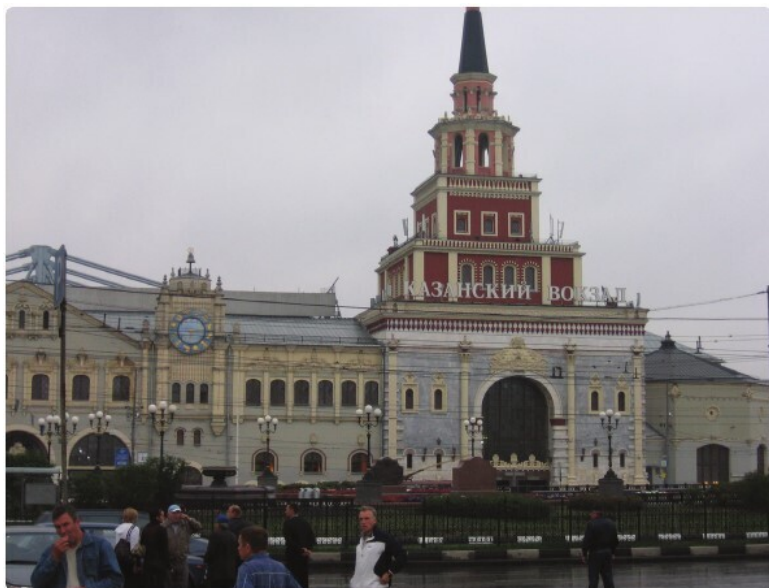
Глава 1

«Жду я веселого, светлого, как молодую судьбу...»

Казанский вокзал

Казанский вокзал – начало начал в литературной судьбе поэта Сергея Есенина. Когда в конце июля 1912 года на платформу этого вокзала легко прыгнул белокурый Сережа Есенин, наивный, полный честолюбивых грёз о поэтической славе, он назывался Рязанским, так как был открыт на участке железной дороги Москва-Рязань, да и само здание тогда выглядело не так нарядно. Преображение Рязанского вокзала в Казанский, размах строительства которого затмил все предыдущие проекты по возведению московских вокзалов, мистическим образом связано с преобразованием скромного сельского паренька в великого русского поэта. Бессчётное количество раз будет он один или в компании друзей уезжать отсюда в родное Константиново и возвращаться в Москву. И с 1911 года (если быть точным, то впервые Сережа приехал в Москву к отцу на каникулы в 1911-м – побродил по городу, накупил книг) по 1925 год на его глазах будет меняться облик вокзала. Удивительно, но даже первое, пробное, сви-

дание с Москвой учащегося школы в Спас-Клепиках совпало с официальным утверждением академика Щусева главным архитектором строительства вокзала! В 1914–1915 годах закончилась закладка фундаментов. Строительство притормозила Первая мировая война. Лишь к зиме 1916–1917 г. удалось возвести крышу над зданием. Революция 1917 года внесла коррективы в архитектурные планы и идеологический смысл грандиозной стройки. В 1926-м году, когда на земле уже не было Сергея Есенина, завершилась отделка Казанского вокзала...

Казанский вокзал

Первый московский адрес

Большой Строченовский переулок, дом 22(24). Маленький, деревянный домик в районе улицы с трогательным названием Щипок. Рядом шумит Серпуховская площадь, более крупные улицы – Валовая, Пятницкая... А здесь совсем тихо... Домик, в котором, приехав в Москву к отцу, поселился Сережа Есенин, принадлежал купцу Николаю Васильевичу Крылову, по сути, общежитие. Александр Никитич служил неподалеку в одной из трех лавок, торговавших мясом и колониальными товарами, приказчиком, вот и разместил в своей каморке сына. Непутевый он, сын-то: выучился на учителя, а работать не желает! Поэтом стать хочет. Вот и содрогались хлипкие стены домика от споров отца и сына.

Сестра Есенина, Катя, передавала позднее в воспоминаниях такие слова отца о «прожектах» непокорного Сережи: «Знаю я Пушкина, Гоголя, Толстого и скажу правду. Очень хорошо почитать их, но видишь ли? Эти люди были обеспеченные.

Посмотри, ведь они все помещики. Что же им делать было? Хлеб им доставать не надо. На каждого из них работало человек по триста, а они как птицы небесные – не сеют, не жнут... Ну где же тебе тягаться с ними?» На все разумные доводы сын отвечал одно: «Посмотрим!» И летели из крошечного домика в Спас-Клепики письма единственному

другу, Грише Панфилову: «Сейчас я совершенно разлаженный. Кругом все больно и на все тяжело и обидно. Не знаю, много ли времени продолжится это животное состояние.

Большой Строченовский переулок, дом 24

Я попал в тяжелые тиски отца. Жаль, что я молод!»; «Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употребляю все меры, чтобы проснуться». Кипели страсти в этом деревянном домиш-

ке, ... но сгорел он в 90-х, спустя много десятилетий. Сгорел перед самым открытием Музея Сергея Есенина. К счастью, за день до прибытия бесценных материалов о жизни поэта. Домик был подожжен, вспыхнул и сгорел. Его восстановили. И музей существует вопреки чьей-то злой воле. А в том далеком 1912 году, осенью, Сережа ушел из дома отца за славой первого поэта России...

Щипок, дом № 30/66

Июнь 1912 года. Учеба в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, наконец, окончена, о чем юный Сережа Есенин получает «Свидетельство № 85». 24 июня в Кузьминском волостном правлении Рязанского уезда и губернии Есенину выдают паспорт сроком на 1 год. Отец Александр Никитич твердо решил: Сережа поедет с ним в Москву продолжать учебу в учительском институте, а пока поработает в конторе хозяина – Николая Васильевича Крылова, где для парня уже оговорено место, соответственно его образованию. Сам-то Александр Никитич сызмальства в лавке Крылова работал: начинал мальчиком на побегушках, рубщиком мяса и вот дослужился до приказчика. За честность и покладистость хозяин его уважает. Вот и сына пообещал к делу пристроить. Но честолюбивый Сергей иное замыслил! Он уже написал свое программное стихотворение «Поэт»: «Не поэт, кто слов пророка // Не желает заучить, // Кто язвительно порока // Не умеет обличить». И много-много других стихотворений. Перед отъездом в Москву он соберет их в тетрадочку и подарит любимому учителю.

Щипок, дом № 30/66

В Москве Сережа поселился у отца в Большом Строченовском переулке (дом № 24). Официально прописался 18 августа. Контора купца Крылова, где ему предстояло трудиться, находилась неподалеку, на Щипке (дом № 30/66). Но недолго работал там будущий поэт. Его угнетали существующие порядки: гордецу претило, что служащие конторы должны были вставать при появлении хозяина или хозяйки, всячески угождать, проявлять смирение, а с глупой хозяйкой он и вовсе разругался, чем очень огорчил и разозлил отца. За

самовольный уход из конторы отец отлучил сына от дома. В конце августа – начале сентября Сергей поступил на работу в Книжное товарищество «Культура» на Малой Дмитровке (дом № 1), там и ночевал в подсобке, к книгам поближе. Изредка навещал отца, молча слушал нотации и упреки. Встречались перед работой, в чайной на Щипке, благо, открывались чайные рано, с 5 часов. Мать поэта, Татьяна Федоровна, навещавшая мужа и сына в Москве, с горечью рассказывала об одной такой встрече своей куме: «Ты послушай, кума, ну это не издевательство? Приехал брат его Иван, Сергей со мной сидел. Он уж деваться не знает куда. Мне-то рад, является сам, и мы все идем в чайную. Заказывает он яичницы, колбасы, сдобы к чаю на три прибора, садимся, и Сергей с нами (Иван-то все с ним говорил). Я вижу неладное, а сказать не смею. Вдруг Иван говорит: «А что Сергей не кушает?» – «Он не хочет», – отец отвечает, у меня слезы из глаз так и полились. Ни я, ни Иван не дотронулись до его угощения. Ну, это отец? Чужого добра жаль, ведь чайная-то тоже под его началом». Стоически выносил Сережа отцовские строгие наказания: он верил в свою звезду, в свое предназначение! И оказался прав. Годы спустя, Сергей Есенин говорил Моте Ройзману: «В поэзии, как на войне, надо кровь проливать!»

А домишко тот конторский до сих пор стоит, искусанный временем и ветрами...

Малая Дмитровка, дом 1

Осень 1912 года. К московской жизни Сергей Есенин привыкал тяжело. В мясной лавке купца Крылова, куда определил его отец, Александр Никитич, юноша проработал лишь несколько дней. Ушел. Стезя поэта, о которой он так мечтал, вызывала у отца резкое неприятие. Постоянные конфликты вынудили Сергея уйти из дома. Он нашел временное пристанище на месте своей новой работы – в должности экспедитора в конторе Книготоргового товарищества «Культура» возле Страстной площади. Он пишет своему самому близкому человеку – другу Грише Панфилову: «Был болен, и с отцом шла неприятность. Теперь решено. Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи. Ну что ж! Я отвоевал свою свободу. Теперь на квартиру к нему <отцу> хожу редко, он мне сказал, что у них мне нечего делать... Пишу письмо, а руки дрожат от волнения. Еще никогда я не испытывал таких угнетающих мук...». В этом же письме Сережа Есенин знакомит друга со своим новым стихотворением «Грустно. Душевные муки...». Но и работа в конторе, куда он поступил, чтоб быть ближе к книгам, ему тоже не нравится. Вот что Есенин в этот же период пишет подруге, Марии Бальзамовой: «Я не могу примириться с конторой и ее пустыми людьми.

Малая Дмитровка, дом 1

Очень много барышень, и очень наивных. Первое время они меня совершенно замучили. Одна из них, черт бы ее взял, приставала, сволочь, поцеловать ее и только отвязалась, когда я назвал ее душой и послал к дьяволу. Никто почти меня не понимает, всего двое слушают охотно...». Наверное, кое-кому юноша казался смешным, наивным, но это впечатление было обманчивым. Из письма Грише Панфилову: «Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совер-

шенство, но я не так твердо верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородного душою, как образец в последовании любви к ближнему. Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим достигнуть, никому не известно...». Автору этих строк еще не исполнилось и восемнадцати лет! В феврале 1913 года Есенин уволился из конторы. Продолжались мучительные поиски себя...

Большой Путинковский переулок, дом 1

Этот дом на углу Большого Путинковского переулка и Малой Дмитровки интересен тем, что там бывал Сергей Есенин. Пожалуй, Василия Львовича Львова-Рогачевского (наст. фам. Рогачевский; 1873–1930), критика, публициста, автора книг «Снова накануне»(1913), «Новейшая русская литература»(1919), «Поэт-пророк»(о Блоке; 1921), «Имажинизм и его образосцы» (1921), сегодня знают лишь специалисты. А в 20-е годы прошлого века это имя было известным и авторитетным. Львова-Рогачевского, бессменного председателя литературного объединения «Звено», посещал весь цвет творческой молодежи и известных литераторов. Из воспоминаний одного из организаторов объединения, П.Н. Зайцева: «На его собраниях бывали Владимир Маяковский, Андрей Белый, Арга, Надежда Павлович и многие другие писатели и поэты. И вот весной 1919 года читал нам свои стихи Сергей Есенин (поэт являлся членом «Литературного звена» с 1 апреля 1919 г.). Было это 13 мая в квартире В.Л. Львова-Рогачевского, в Путинковском, где за большим столом в длинной, довольно неуютной комнате собралось человек двадцать пять... <...> Поэт поднялся и начал читать. Читал он, как всегда завораживая слушателей, весь отдаваясь во власть своих стихов. Прочитал

вначале недавно написанную поэму «Пантократор», а за ней «Инонию» и другие поэмы и лирические стихотворения. После чтения началось обсуждение» (Воспоминания хранятся в частном архиве). Нередко пересекались пути Сергея Есенина и Василия Львовича. В ноябре 1920 года критик был председателем «Литературного суда над современной поэзией» в Политехническом. Василий Львович присутствовал на Товарищеском суде по делу четырех поэтов (Есенина, Ганина, Клычкова, Орешина). Поэтов, как известно, обвиняли в антисемитизме. Это серьезное обвинение могло закончиться очень серьезным наказанием, вплоть до расстрела. В то время как многие друзья отвернулись от Сергея Есенина, Василий Львович Львов-Рогачевский заявил на суде, что «в произведениях обвиняемых можно отметить не только отсутствие антисемитизма, но и любовь к еврейскому народу» (Цитата из отчета).

Большой Путинковский переулок, дом 1

Лишь благодаря защите таких авторитетных и порядочных людей, как Львов-Рогачевский, Товарищеский суд по делу четырех поэтов вынес поэтам общественное порицание за хулиганство, но отверг обвинение в антисемитизме!

Суриковский литературный кружок

Переехав в Москву к отцу, Сережа Есенин настойчиво ищет пути-дорожки в большую литературу. Еще в мае 1912 года он посылал свои стихи на конкурс Надсона, но ответа так и не дождался. Сережа приходит в Суриковский литературно-музыкальный кружок, который объединяет писателей-самоучек. Кружок назван в честь Ивана Захаровича Сурикова, рано ушедшего поэта, издавшего в 1872 году сборник произведений начинающих литераторов из народа «Рассвет». Поэт Суриков известен как автор («Рябины»: «Что стоишь качаясь...» и «В степи»: «Там в степи глухой замерзал ямщик...») Не имея своего помещения, суриковцы собирались в трактирах, на частных квартирах, на могиле поэта Сурикова на Пятницком кладбище; в здании Польской библиотеки при Римско-Католической церкви в Милютинском переулке, 18; в Солянском проезде, 3, где находилось «Рыженковское подворье». Кружковцы часто выезжали в Кунцево, близ Крылатского, там рос вековой красавец-дуб (в 90-е годы дуб расколола молния). На этих встречах писатели и поэты читали свои произведения, обсуждали творчество собратьев-любителей. Именно перед суриковцами молодой Есенин впервые публично выступил со своими стихами. Услышав чтение Сергея, кружковцы были озадачены: настолько его поэзия отличалась от их творчества свежестью и

непосредственностью! Один из руководителей Суриковского кружка, Григорий Дмитриевич Деев-Хомяковский, вспоминал: «Он удивительно схватывал картины природы и преподносил их в ярких образах. В течение первых двух лет Есенин вел непрерывную работу в кружке. Казалось нам, что из Есенина выйдет не только поэт, но и общественник». Целью кружковцев было издание своих произведений. Несмотря на безденежье, готовился первый номер журнала «Друг народа». Общественная работа привлекала юного поэта гораздо меньше поэзии. Мастерство Есенина росло.

Солянский проезд, дом 3

Он упорно работал над собой. С марта 1913 года он оформлен в экспедицию Товарищества И.Д. Сытина при содействии руководителей Суриковского литературного кружка. В январе 1914 года детский журнал «Мирок» напечатал стихотворение Есенина «Береза» под псевдонимом «Аристон». Наконец дело пошло! Сергей пишет Грише Панфилову на обороте своей фотокарточки: «Распечатался я во всю ивановскую. Редактора принимают без просмотра, и псевдоним мой Аристон сняли». Происхождением псевдонима принято считать название «музыкального ящика», но есениновед Н.И. Шубникова-Гусева предлагает и другой вариант: в переводе с греческого, Аристон – наилучший из всех! В начале февраля 1915 года собранием Суриковского кружка Есенин вводится в состав редколлегии журнала «Доброе утро». Идеино-художественный уровень произведений, представленных к печати кружковцами, не устраивает юношу. 8-го февраля 1915 года он подал заявление о выходе из кружка, но после решил остаться... При всех видимых благоприятных событиях, Есенин недоволен собой и своими успехами. Из письма Грише Панфилову: «Судьба играет мною. Она, как капризное дитя, то смеется, то плачет». Единственное решение уже созрело: надо ехать в Петроград!

ПОСТ-КРЕДЬЯНИН
ИВАН ЗАХАРОВИЧ
СУРИКОВ
РОД. ЧН 1841 С. СКОП. ЧН 1880

Могила поэта И.Сурикова на Пятницком кладбище

Журнал «Млечный путь»

Дом 9 на Садовнической улице (бывшей ул. Осипенко) в настоящее время пережил уже два поджога. Как сложится его судьба? А ведь в нем бывал в 1914–1915 годах юный Сережа Есенин. Здесь, в квартире Алексея Михайловича Чернышова проходили литературные субботы журнала «Млечный путь». Издатель журнала, Алексей Михайлович Чернышов – человек увлеченный и бескорыстный, тратил почти весь заработок на свое детище, а брат его, Николай Михайлович, иллюстрировал журнал. «Млечный путь» был ориентирован на талантливую молодежь, вне всяких литературных направлений. В Садовниках собирались артисты, художники, скульпторы и, конечно, писатели и поэты: И. Северянин, А. Ширяевец, С. Клычков, С. Есенин, Б. Пильняк, Н. Павлович... Вели беседы об искусстве, спорили, оценивали работы друг друга. Как рыба в воде, чувствовал себя в этой творческой среде Сережа Есенин. Приятель тех его дней, Д.Н. Семеновский, вспоминал: «Светла была душа поэта. Верилось, что ни одно облачко не омрачает ее. Подчас Есенин казался проказливым мальчишкой. Он дурачился, делал вид, что хочет кончиком галстука утереть нос, сочинял озорные частушки. То ли в шутку, то ли всерьез ухаживал за некрасивой поэтессой, на собраниях садился с ней рядом, провожал ее, занимал разговором. Девушка охотно принимала

ухаживания Есенина и, может быть, уже записала его в свои поклонники». Семеновский описывает далее смешные случаи в компании посетителей литературных суббот с участием Есенина. Проказа № 1: «<...> Однажды мы вчетвером – Есенин, Колоколов, я и наша поэтесса – сидели в гостях у поэта Ивана Коробова. <...>Мы знали, что наша спутница считает себя певицей и кто-то попросил ее спеть. Девушка запела.

Слушать ее было невозможно. Голос у певицы был носовой, слух отсутствовал. Мои приятели, прячась за стоявший на столе самовар и закрывая лицо руками, давились от смеха. Я боялся, что их неуместная веселость бросится певице в глаза. Но, увлеченная пением, она ничего не замечала – и романс следовал за романсом». «Пассия» Есенина пригласила приятелей на свой день рождения. Проказа № 2: «Виновница торжества светилась радостным оживлением, мило улыбалась и обносила гостей сладким пирогом. С ней произошла волшебная перемена. Куда девалась ее некрасивость! Она принарядилась, казалась женственной, похорошевшей. Футурист-одиночка Федор Николаев, носивший черные пышные локоны и бархатную блузу с кружевным воротником, не спускал с нее глаз. Уроженец Кавказа, он был человек темпераментный и считал себя неотразимым покорителем женских сердец. Подсев к девушке, Николаев старался завладеть ее вниманием. Я видел, что Есенину это не нравится. Когда поэтесса вышла на минуту в комнату

сестры, он негодуяюще крикнул Николаеву: «Ты чего к ней привязался?» – «А тебе что?» – сердито ответил тот. Произошла быстрая, энергичная перебранка. Закончилась она тем, что Есенин запальчиво бросил сопернику: «Вызываю тебя на дуэль!» <...> Посидев еще немного, мы вышли на тихую заснеженную улицу. Шли молча. Зашли в какой-то двор с кучами сгребенного снега, смутно белевшими в ночном сумраке. Враги сбросили с плеч пальто, засучили рукава и приготовились к поединку. Колоколову и мне досталась роль секундантов. Дуэлянты сошлись. Казалось, вот-вот они схватятся. Но то ли снежный воздух улицы охладил их пыл, то ли подействовали наши уговоры, только дело кончилось примирением. После этой несостоявшейся драки я понял, что ласково улыбающийся рязанский паренек умеет и постоять за себя». С журналом «Млечный путь» связан и неприятный эпизод в биографии поэта. Николай Ливкин, тоже начинающий литератор, обнаружил в престижном петроградском «Новом журнале для всех» стихотворение Есенина «Кручина», ранее опубликованное в «Млечном пути». И сообщил об этом в письме редактору петроградского журнала, в котором, кстати, «спал и видел» напечататься сам. Письмо поставило Есенина в неловкое положение. К чести Ливкина, кляузник позднее осознал неблаговидность поступка и раскаялся. После объяснений с извинениями на память Н. Ливкину остались сожаления о необдуманном поступке и письмо Есенина с такими словами: «Сейчас уже утвердившись во мно-

гом и многое осветив с другой стороны, что прежде казалось неясным, я с удовольствием протягиваю Вам руку примирения перед тем, чего между нами не было, а только казалось, и вообще между нами ничего не было бы, если бы мы поговорили лично... Ну, разве я могу в чем-нибудь помешать Вам как поэту? Да я просто дрянь какая-то после этого был бы, которая не литературу любит, а потроха выворачивает...»

Садовническая, дом 9

Работа в Типографии И.Д. Сытина

В конце февраля – начале марта 1913 года Сережа Есенин поступает на работу в типографию «Товарищество И.Д. Сытина». Сведения о том, кто именно устроил юношу сюда, довольно противоречивы: то ли отец через своего знакомого, то ли суриковцы. Типография, занимавшая пространство между Пятницкой (дом № 71), 2-м Монетчиковым переулком и Вальной (№ 28 – главное здание, № 30), конечно, произвела на деревенского паренька ошеломляющее впечатление. Еще бы, ведь здесь производилось 25 % объема всей печатной продукции России! Иван Дмитриевич Сытин привлекал к сотрудничеству лучшие силы – художников, писателей, печатников. А девиз изданий типографии был: «Очень дешево, очень изящно, очень доступно по содержанию». Для Сытина, выходца из народа, главной целью являлось просвещение, подчас в ущерб себе как крупному предпринимателю. Сергей Есенин попал в многоголосый, веселый мир, пахнувший типографской краской, бумагой, клеем. Позднее знакомые удивлялись тому, как поэт здорово разбирался в шрифтах и бумаге. В воспоминаниях И.С. Рахилло читаем: «Страсть как любил типографское дело, изучал шрифты, печатные машины, охоч был и до хорошей бумаги...» Начинал поэт в экспедиции, затем перешел в корректорскую – подчитчиком. Корректорская находилась в здании на Вальной,

№ 28, на 4-м этаже. Подчитчик – сотрудник, читающий вслух текст оригинала страниц будущих изданий, а более опытный корректор исправляет ошибки в оттисках (гранках) при помощи специальных корректорских знаков. Корректор М.М. Мешкова, работавшая в паре с Сергеем, говорила, что подчитчиком поэт был неважнецким: ему мешала любознательность и непоседливость. Не дожидаясь, когда новые гранки принесут из печатного цеха, он сам бегал за ними из корректорской. Уж очень хотелось знать: чем там дело кончится! Мешкова показала стихи Есенина своему брату, издавшему уже свою книжечку стихов. Брат стихи похвалил.

Пятницкая улица, дом 71

Валовая улица, дом 28

Именно в типографии Сытина произошло важнейшее событие в жизни Сережи Есенина: он впервые увидел напечатанными свои стихи! На страницах журнала «Мирок» в январе 1914 года появилась его «Береза», а в феврале – «Воробышки». На первый гонорар (3 рубля) юноша купил подарок отцу, но сердца его не смягчил. Конфликтуюя с родителем из-за взглядов на поэзию и свое место в ней, он часто оста-

вался ночевать в комнатенке при типографии. В типографии Сергей приобщился к активной общественной жизни, с удовольствием участвовал в прогулках-маевках в Коломенском. По воспоминаниям корректора В.Е. Воскресенского, «маевки не были политическим сборищем, или собраниями по решению текущих вопросов, это были просто прогулки по берегу Москвы-реки, дающие отдых на природе от шума и гама большого города. Здесь веселились, беседовали о литературе и искусстве. Особенно любил Сережа большой раскидистый дуб у села Крылатского. Дубу было лет 200-ти». Уже в конце 90-х в дуб попала молния, и он раскололся.

Валовая улица, дом 30

В этом доме на Щипке находилась подпольная типография, где печатали листовки

Николай Сардановский

В селе Константиново, в доме священника Ивана Смирнова, крестившего Сережу Есенина, всегда собиралась молодежь. Особенно интересно было в каникулы, зимой и летом, когда к отцу Ивану приезжала его родственница, вдова Вера Васильевна Сардановская, с тремя детьми: Колей, Аней и Серафимой. Смуглой, темноволосой Ане Сардановской суждено было стать первой любовью поэта. В стихотворении «Мой путь» 1925 года Есенин вспоминает о ней: «В пятнадцать лет// Влюбил я до печенок //И сладко думал, // Лишь уединюсь, //Что я на этой //Лучшей из девчонок, //Достигнув возраста, женюсь». С Аней жизнь Сережу развела, а вот с Николаем Сардановским юноша продолжал встречаться и после переезда в Москву. Николай учился в Московском Коммерческом институте (ныне Академия народного хозяйства им. Г.В. Плеханова), в Стремянном переулке, буквально в двух шагах от Большого Строченовского переуллка, где жил у отца Есенин.

Николай Сардановский писал: «Приходилось нам с ним жить и в одной комнате, а когда разъезжались, то все же постоянно виделись друг с другом... Здесь в маленькой комнате мы проводили время в задушевных беседах...» Сергей часто бывал в студенческих компаниях Николая. Музыкально одаренный, Есенин с удовольствием слушал игру Нико-

лая на скрипке и гитаре, подпевал. Сохранились ноты с дарственной надписью:

Здание бывшего Коммерческого института им. Цесаревича Алексея

«На память дорогому Коле. Сережа». Сын вдовы, Николай жил бедновато. Сергей, сам студент платного отделения Народного Университета, покупал билеты в театры, угощал друга обедами, помогал найти жилье. Бывали юноши и на концертах в Учительском доме, построенном по инициати-

ве Общества взаимной помощи при Московском учительском институте и живом участии Ивана Дмитриевича Сытина (Малая Ордынка, дом 31). В здании имелся большой зрительный зал, отличная библиотека, постоянно пополнявшаяся новыми сытинскими изданиями. Теперь здесь находится Театр Луны. Николай Сардановский оставил воспоминания о своем друге под названием «На заре туманной юности». Тут, собственно, можно было бы поставить точку... Но мне попало одно любопытное письмо Николая Сардановского от 1 января 1926 года, то есть на следующий день после похорон Сергея Есенина. Источник – «Сергей Есенин в стихах и жизни», т.4. М., «Республика», 1997. (134. Н.А. Сардановский – Л.Л. Мацкевич). Привожу выдержку из него: «Здравствуйте, Лида!<...> Ночью угорели, и племянник мой угостил нас таким концертом, что не дай Бог, так что встречу Нового года пришлось мне запечатлеть особым стихом: «Коля что есть сил орет, //Как трубу, разинул рот, //От натуги льется пот, //Сима стонет, Лиду рвет, //Мы встречаем Новый год». Как видите, сильное впечатление способно во мне вызвать поэтическое творчество, хотя характер моей музыки и исключает возможность того, что в один прекрасный момент я подвешу себя к трубе, предварительно располозовав себе кожу и начертав другу своему соответствующие трогательные прощальные строчки. Кстати, о подобных чудачках. Смерть Сергея произвела на меня исключительно сильное впечатление. Пожалуй, даже сильнее, чем смерть Мартина

Идена по Джеку Лондону. Правда, для Сереги эта смерть была достойным и, так сказать, естественным завершением его гнусной жизни последнего периода, но к чему было так паясничать?» Чтение этого письма вызвало в памяти строки Пушкина: «Врагов имеет в жизни всяк, но от друзей храни нас, Боже!»

Малая Ордынка, дом 31

Большая Полянка, дом 7

От Константинова до Кузьминского рукой подать! До сих пор стоит крепкий бревенчатый дом с широкими окнами и открытой верандой, построенный протодиаконем Кузьминского Ильинского Храма Иваном Васильевичем Брежневым, двоюродным братом отца Ивана Яковлевича Смирнова – священника Казанского Храма в Константинове. Для сельской молодежи дома Ивана Яковлевича и Ивана Васильевича были самыми притягательными центрами досуга. Обилие книг в домашних библиотеках, интересные разговоры, неизменные чаи из самовара, возможность поиграть на музыкальных инструментах (у Ивана Васильевича в доме стояла диковина – фисгармония), спеть любимые песни, поиграть в крокет – все это собирало и сплачивало молодежь. Собирались и в доме помещицы Лидии Кашиной, с которой дружила жена Ивана Васильевича. Голубоглазый, белокурый Сережа Есенин сдружился с черноглазым и черноволосым Сергеем Брежневым.

В их компанию входили еще Клавдий Воронцов – сирота, воспитанник священника Смирнова и Сергей Соколов из Кузьминского. Мальчишки вместе рыбачили, ловили раков, собирали утиные яйца, снимали вороны гнезда. Играли на местном кладбище в орлянку и в карты. В 1912 году Сережа Есенин уехал в Москву искать поэтического счастья. Сергей

Соколов стал учителем в Константинове. Клавдий Воронцов после революции участвовал в борьбе с бандитизмом, работал делопроизводителем Константиновского волисполкома.

Сергей Брежнев в 1912 году поступил в Рязанскую духовную семинарию, в 1917 году переехал в Москву. Служил регентом в нескольких церковных хорах. В Москве поселился Сергей Брежнев у родственника, картографа А.Н. Вишневого, в Замоскворечье, на Большой Полянке, в доме № 7. В этот дом к нему заходил Сергей Есенин. Наезжали из Константинова Клавдий Воронцов и Соколов Сергей. Навещали друзья детства и знаменитого земляка. Бывали и у Галины Бениславской, и у Софьи Толстой. В декабре 1925 года Сергей Брежнев собирался вместе с Василием Наседкиным ехать в Ленинград за телом погибшего друга, да сестры поэта отговорили его. В 1941 году Сергей Брежнев ушел в ополчение и погиб.

Большая Полянка, дом № 7

Чудом сохранился дом № 7 на Большой Полянке. Обычный доходный дом, 1908 года постройки, освященный именем Сергея Есенина.

Миусская площадь, дом 6

В сентябре 1913 года Сергей Есенин становится студентом 1-го курса историко-философского отделения Московского Городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Университет был открыт в 1908 году под давлением демократической общественности на средства либерального деятеля народного образования Альфонса Леоновича Шанявского. В Университет, дававший высшее образование, принимались лица не моложе шестнадцати лет, обоего пола, любых вероисповеданий и политических взглядов. При поступлении не требовались документы о среднем образовании. Плата за обучение была умеренной, состав слушателей – демократичный: рабочие, служащие, крестьяне... Для студентов организовывались концерты и киносеансы в филармонической аудитории, работало бюро по трудоустройству и касса взаимопомощи. До отъезда в Петроград в марте 1915 года Есенин слушал здесь лекции по русской и зарубежной литературе, философии, истории. Лекции по литературе читали видные профессора того времени Ю. Айхенвальд и П. Сакулин.

Здание Университета им. А.Л. Шанявского

Профессор Сакулин очень хвалил стихотворение Есенина «Выткнулся на озере...» и даже просил юношу повторить чтение несколько раз! Юный Есенин прилежно учился, жадно осваивал пространство города, обзавелся новыми друзьями.

Николай Колоколов, Василий Наседкин, Дмитрий Семеновский тоже писали стихи. Сергей Есенин заметно выделялся среди студентов. Семеновский вспоминал о том времени: «Обаяние, исходящее от Есенина, привлекало к нему самых различных людей. Где бы ни появлялся этот симпа-

тичный, одаренный юноша, всюду он вызывал у окружающих внимание и интерес к себе. За его отрочески нежной наружностью чувствовался пылкий, волевой характер, угадывалось большое душевное богатство». В этих стенах Сергей Есенин конспектировал лекции, засиживался в читальном зале библиотеки, перекусывал в университетском буфете между лекциями. Здесь, в Университете будущий поэт утвердился в мысли покорить литературную столицу – Петроград. Глядя на серое строгое здание, тихие улочки, ведущие от него к Тверской, так ясно ощущаешь поэта рядом, покрасневшего от ходьбы, полного весенних честолюбивых надежд!

Глазовский переулоч, дом 5/9

Мать, Татьяна Федоровна, боялась, что он от книжек спятит, как тот дьячок из Федякина, любитель чтения. Отец прочил ему карьеру рубщика мяса... Самое большее, на что Серега Есенин мог рассчитывать в жизни – это место сельского учителя. Не встретились бы на его пути последовательно три человека – епархиальный надзиратель И.Д. Рудинский в Спас-Клепиках, профессор П.Н. Сакулин в Москве и кумир поколений Александр Блок в Петрограде – было бы в России на одного великого поэта меньше. Несомненная главенствующая роль Блока в этом воображаемом списке. Встречу с ним 9 марта 1915 года Есенин вспоминал так: «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот. Потому что в первый раз видел живого поэта». Первая же знаковая встреча состоялась 17 ноября 1911 года, когда второклассную учительскую школу в Спас-Клепиках посетил епархиальный наблюдатель Иван Дмитриевич Рудинский. Преподаватель русского языка класса, где учился будущий поэт, Евгений Михайлович Хитров вспоминал: «Факт сам по себе незначительный. Обычная казенная ревизия казенного человека. Казенная похвала молодого поэта, сделанная по просьбе нас, учителей». Воодушевленный похвалой, доселе поддерживаемый лишь похвалами любимого товарища Гриши Панфилова, Есенин пишет стихотворение «И.Д. Рудинско-

му». Можно только догадываться, какое ликование вызвала в душе юноши эта «казенная похвала», к тому же, как оказалось, «по просьбе учителей»... Вторым, после епархиального чиновника, в списке добрых ангелов по праву значится Павел Никитич Сакулин, профессор, критик, литературовед, академик. Занимаясь с конца сентября 1913 года в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского на историко-философском факультете, Есенин с восторгом слушал курс «Истории русской литературы середины XIX века», который читал профессор. Учащийся Коммерческого института, друг детства поэта, Николай Сардановский в одном из вариантов воспоминаний написал: «<...>Вскоре он набрался смелости и поехал со своими стихами к профессору Сакулину. <...>

Глазовский переулок, дом 5/9

Профессор особо отметил стихотворение «Выткался на озере...», просил несколько раз прочесть...» Справедливости ради, заметим: а кто бы не отметил это чистое и чувственное стихотворение, даже не будучи профессором?! Но все же фамилия этого человека стоит в ряду причастных к рождению великого национального поэта. Первая публикация стихотворения состоялась в марте 1915 года в московском журнале «Млечный путь» № 3 и совпала с триумфальной поездкой к Александру Блоку! Профессор П.Н. Саку-

лин жил на Арбате, в доме, построенном в 1912 году на углу Глазовского и Денежного переулков (5/9). Поскольку в 1923 году в этом доме поселился и нарком просвещения А.В. Луначарский, поэт не раз бывал здесь. Анатолий Мариенгоф описал Павла Никитича в своей обычной манере: «Профессор Сакулин словно сошел с иконы суздальского письма. У него длинные прямые волосы, длинная борода и всепрощающие глаза. Свои книги он пишет для великого русского народа, который его не читает. Его лекции, посещаемые преимущественно барышнями из хороших семейств, это не лекции, а служение в храме литературы». Профессор Сакулин, сам выходец из крестьян, следил за творчеством бывшего своего студента, отмечая, что «в Есенине непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатили его язык дивными красками». Они виделись на заседаниях «Звена». В 1916 году по приглашению профессора С. Есенин и Н. Клюев выступали перед членами литературного кружка Женского педагогического института, которым руководил профессор. После революции встречались в Лито Наркомпроса и Госиздате.

4 января 1922 года Сергей Есенин подарил профессору экземпляр «Пугачева» с надписью: «Доброму Павлу Никитичу с любовью. С. Есенин» В 1923 году в Высшем Литературно-Художественном институте на вечере поэзии Есенин читал «Пугачева»... Павел Никитич, слушая выступление своего бывшего студента, воскликнул со слезами на гла-

зах: «Это потрясающе! Гениально!»

Третьяковская галерея

В неопубликованных воспоминаниях бывшего студента Народного университета им. А. Шанявского Б.А. Сорокина есть глава «Разговор о рождении образа» (источник: статья В.А. Сухова (Пенза) «Сергей Есенин в воспоминаниях Бориса Сорокина»), мемуарист приводит в ней примеры высказываний юного Сергея Есенина о живописи: «Думаю, что между живописью и поэзией, конечно, лирикой пейзажной, есть много общего. Вот у Левитана написан этюд «Вечер в деревне» – закатное солнце освещает избы и землю. Спокойное небо. Никаких эффектов, все просто. Но эта непосредственность волнует. Художник выбирал не первое, что ему попало на глаза, а то, что нашло отклик в его душе... Я знаю репродукцию с картины Левитана – в синем небе сияет луна... Левитан с натуры не мог писать этой картины, а передавал по памяти... Почему я привел тебе пример с осенним вечером Левитана? Послушай мое стихотворение «Задымился вечер...» У меня «закадили дымом под росую рощи» – так вечерний туман получил образное выражение. У Левитана осенний вечер выражен с большим чувством. Любая его картина и этюд дают тему для стихотворения, они смогут явиться истоком рождения поэтических образов...». Делился с Б. Сорокиным юный поэт и своими мыслями о самом процессе художественного творчества:

Третьяковская галерея

«Каждый человек по-своему видит природу и сохраняет в памяти полученные впечатления... Когда я пишу, продумав предварительно тему стихотворения, то передо мной ярко возникает все то, что когда-то я видел. Образ живой и яркий рождается, по-моему, тогда, когда его рождение подготовлено действительностью...» Восхищает зрелость мышления сельского паренька, его жадное стремление к познанию себя и природы творчества. Сергей Есенин изучал «Исто-

рию живописи» Александра Бенуа. Пропадал по выходным или в библиотеке или в Третьяковской галерее. Ему нравились «Мокрый луг» Васильева, «Грачи прилетели» Саврасова, «Владимирка» Левитана. Как-то Есенин сказал сокурсникам: «Смотрел Поленова. Конечно, у его «Оки» задержался, и так потянуло от булыжных мостовых, заборов, вонючего Зарядья туда, домой, в рязанский простор <...> Идешь от одной картины к другой, и вот вспыхивает осень золотом берез и синью реки, грустит закат над омутом, задумался стог сена в вечерней тишине... Смотришь и думаешь: «Да ведь это мое, родное, близкое мне, с детства вошедшее в сердце...» Сергей говорил, что жизнь в Москве интересна ему, но несет в себе беспокойство, тяжесть, «каменный плен». В селе все проще, понятнее. Свои походы в Третьяковку Сергей Есенин называл «путешествием в прекрасное». Позднее, в 1922 году имажинисты основали журнал под названием «Гостиница для путешествующих в прекрасном»...

Свято-Даниловский монастырь

В XIII веке на правом берегу Москвы-реки, в пяти верстах от Кремля, Московский Великий князь всея Руси, младший сын Александра Невского Даниил основал монастырь. Перед самой кончиной Даниил принял здесь схиму, здесь он и скончался в марте 1303 года, в возрасте 42 лет, здесь и похоронен, согласно завещанию. В период правления Ивана III для монастыря наступило время запустения, длившееся около 250 лет. Возрождение былого величия монастыря началось при царе Иване Грозном, когда, по преданию, на могиле князя Даниила стали происходить чудесные исцеления больных и другие явления. За 700 лет своего существования Данилов монастырь многое пережил... Стоял на защите южных границ от нашествия крымского хана Гирея. В начале XVII века, в смутные времена, горел, подожженный бежавшим из Москвы Лжедмитрием II. В 1812 году был осквернен и разграблен солдатами Наполеона. Формально монастырь был закрыт в 1918 году, но службы продолжались до 1930 года. В конце 20-х годов была разобрана колокольня. (Колокола со звонницы были спасены американским промышленником и дипломатом Чарльзом Крейном и до 2007 года находились в Гарвардском университете). В 1930 году на территории монастыря был организован изолятор для детей репрессированных лиц.

После ликвидации кладбища прах Н.В. Гоголя, супругов Хомяковых, Н.М. Языкова и Д.А. Валуева был перенесен на Новодевичье кладбище, прах В.Г. Перова – в некрополь Донского монастыря. Незадолго до своей кончины в ноябре 1982 года Л.И. Брежнев подписал указ о передаче Московской патриархии Донского монастыря, в конце мая 1983 года Донской был заменен на Данилов монастырь. Так началось его возрождение. Сегодня Свято-Данилов монастырь считается духовным центром РПЦ. Старые стены Данилова монастыря помнят юного Сергея Есенина. В конце сентября 1913 года студентом Университета им. А.Л. Шанявского он приходил сюда с однокурсниками Васей Наседкиным и Борей Сорокиным. Вот как описал это событие в 60-х годах прошлого века журналист Борис Андреевич Сорокин: «Мы, постояв у могилы А. Рубинштейна, пошли к месту погребения Н.В. Гоголя. Над простой чугунной решеткой и плитой с выпуклыми буквами «Николай Васильевич Гоголь», над зеленоватым огоньком лампы, мерцающим в фонарике у чугунного креста, словно охраняя вечный покой великого писателя, деревья раскинули свои ветви, роняющие золотые листья. Обнажив головы, стоим потрясенные простотой этого уголка кладбища с тремя словами на бронзовой плите. Есенин, сжав побелевшими пальцами решетку, не отрываясь, смотрит на живой огонек лампы, на бронзовую плиту, усеянную оранжевыми листьями. «Да, вот она, несущаяся тройка – символ Руси...» Гремит и становится ветром, разорванный

в куски воздух... и дают ей дорогу другие народы и государства...» Так писать – это значит верить в лучшее будущее России», – говорит он...»

Свято-Даниловский монастырь (фото из интернета)

Театральная история

К киноискусству Сергей Александрович Есенин оставался равнодушен, а вот к театру, к актерству тяга у него была несомненно. Еще в юности, в доме Смирновых и в имении помещицы Л. Кашиной он участвовал в любительских спектаклях. Первокурсником Университета им. А. Шанявского соприкоснулся с истинным театральным искусством: однажды в холодный осенний вечер, в компании сокурсников В. Наседкина и Б. Сорокина впервые переступил порог Художественного театра. Давали «Вишневый сад». Раневская – Книппер-Чехова, студент Трофимов – Качалов, Епиходов – Москвин, Лопахин – Леонидов. Б. Сорокин вспоминал: «В антракте пошли в фойе.

Облокотившись на кресло, Сергей молчал. И только тогда, когда Наседкин спросил его, понравился ли спектакль, он, словно очнувшись, сердито проронил: «Об этом сейчас говорить нельзя! Понимаешь?» И пошел в зрительный зал». Приехав в Петроград в марте 1915 года, Есенин, уже как искушенный зритель, стал посещать театры. С М. Мурашевым побывал в театре «Кривое зеркало», посмеялся от души. В ноябре того же года с другом Володей Чернявским был в знаменитой Александринке на представлении пьесы А. Грибоедова «Горе от ума», в Мариинском театре слушал оперу Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде

Китеже и деве Февронии». В 1916 году слушал Шаляпина в «Борисе Годунове». Находясь на военной службе в Царском Селе, Есенин, тогда уже подающий надежды поэт, работал над пьесой «Крестьянский пир». По свидетельству М. Мурашева, читал ее в театре «Новая студия». Пьеса не сохранилась. Видимо, в то время и сказал Сергей Есенин кому-то из друзей, что коль не стал бы поэтом, то стал бы непременно актером! В январе 1916 года Есенин брал уроки у преподавателя курса «Речевых основ сценического искусства», артиста В.В. Сладкопевцева. В практике сценического искусства существует термин «сценическое обаяние». Обаятельный в жизни человек, выходя на сцену, может неожиданно утратить свою притягательность, а внешне неприметный – на сцене вдруг преобразиться и выделиться – вот это удивительное свойство, а вовсе не красота, составляет понятие «сценическое обаяние». Сергей Александрович Есенин был одарен природой и человеческим, и сценическим обаянием.

Художница Лидия Белютина-Гринева так описывала поэта: «Все, что он делал – подвинет за спинку венский стул, возьмет из рук чашку, откроет книгу (обязательно пересматривал все, что лежало в комнате), – получалось ладно. Можно бы сказать – пластично, но ему это слово не подходило. Ладный он был и в том, как одевался, как носил любую одежду. Никогда одежда его не стесняла, а между тем заметно было, что она ему небезразлична. И за модой он следил – насколько в те годы это получалось, особенно запомнилось

его дымчатое кепи. Надевал он его внимательно, мог лишний раз сдуть пылинку. Мне этот жест всегда потом вспоминался в связи со строкой «Я иду долиной, на затылке кепи...» Читали у нас свои произведения многие, читал и Сергей Александрович. От всех поэтов его отличала необычная сегодня, я бы сказала, аристократическая манера чтения. Он не подчеркивал ритмической основы или мысли. Каждое его стихотворение было как зарисовка настроения. Никогда два раза он не читал одинаково. Он всегда раскрывался в чтении сегодняшней, сиюминутной, когда бы ни было написано стихотворение».

В декабре 1921 года в издательстве «Имажинисты» была напечатана поэма «Пугачев». Есенин мечтал увидеть свое любимое детище на сцене. Даже читал «Пугачева» перед труппой театра Мейерхольда. Один артист поинтересовался у Мастера: «Кто из нас будет читать?» Режиссер ответил: «Читать будет автор!» Когда поэт закончил чтение, Всеволод Эмильевич взглянул на скептика: «А ты прочтешь так, как он?!» В театральном мире Сергей Есенин был своим человеком, особенно после заграничной поездки. Он посещал все спектакли своей знаменитой жены Айседоры. В августе 1923 года познакомился с актрисой Камерного театра Августой Миклашевской. В октябре был на спектакле с ее участием «Кабачок и роза» в театре «Острые углы». А его посещение спектакля Малого театра «Недоросль» по приглашению актрисы О.С. Щербиновской (жены Б. Пильняка) оста-

вило трагикомический след не только в истории этого театра, но и в протоколе 26-го отделения милиции, расположенном неподалеку, в Столешниковом переулке. Известной актрисой театра стала бывшая жена Есенина, Зинаида Райх.

МХАТ

В начале апреля 1925 года поэт присутствовал на спектакле «Мандат» по пьесе приятеля-имажиниста Н. Эрдна в постановке Мейерхольда, тогда уже мужа Райх. А знакомство ранней весной 1925 года с актером Художественно-

го театра Василием Ивановичем Качаловым сблизило Сергея Есенина с людьми, которыми он восхищался в юности. Чудесное стихотворение «Собаке Качалова» появилось благодаря этому знакомству.

Оно было впервые напечатано 7 апреля 1925 года в газете «Бакинский рабочий». В это время Есенин находился в Баку, там же проходили и гастроли Художественного театра в то же самое время. Есенин пришел на спектакль. Давали «Царя Федора Иоановича» по пьесе А.К. Толстого, с Качаловым в главной роли. В перерыве Василий Иванович провел поэта за кулисы. Сергей Есенин читал свои стихи самому Константину Сергеевичу Станиславскому.

Большая Никитская, дом 58

Иван Никанорович Розанов – литературовед, историк русской поэзии, известный московский библиофил не входил в круг близких друзей Сергея Есенина. Этот факт он особо подчеркивает в воспоминаниях, но, тем не менее, в его пере­сказе мы читаем о многочисленных беседах с поэтом, имевших со стороны Сергея Александровича исповедальный ха­рактер. Впервые Розанов услышал выступление Есенина в 1916 году в «Обществе свободной эстетики». К этому вы­ступлению Сергей Есенин и Николай Клюев специально за­казывали концертные костюмы. Костюмы Ивану Никаноро­вичу не глянулись, а вот Есенин произвел на него приятное впечатление: «Мне лично Клюев показался перегруженным образами, а местами и прямо риторичным. Нравились от­дельные прекрасные эпитеты, но ни одно стихотворение це­ликом. Есенина я, как и многие другие, находил проще и све­жее. Тут были стихотворения, понравившиеся мне целиком, например «Корова», где уже сказалась столь характерная для позднейшего Есенина нежность к животным.<...>Кажется, в первый раз в русской литературе поэт привлекал внимание к горю коровы. Еще более произвело на меня впечатление «В хате» («Пахнет рыхлыми драченами ...»), а особенно три последние строки: «От пугливой шумоты, // Из углов щенки кудлатые // Заползают в хомуты» и ночью, уже ложась спать,

я все восхищался этой «пугливой шумотой» и жалел, что не могу припомнить всего стихотворения». Есенин и Розанов лично познакомились лишь в 1920 году, часто виделись в книжной лавке «Московской Трудовой Артели Художников Слова», а в 1921-м Иван Никанорович записал со слов Сергея Есенина его автобиографию. В двухэтажный дом № 58 на Большой Никитской улице поэт пришел с сестрой Катей, очень торопился на какую-то другую встречу, и говорил, по его же рассказам, первое, что приходило тогда на ум. После возвращения Есенина из зарубежной поездки виделись уже редко. Ивану Никаноровичу запомнилось выступление поэта у памятника Пушкину в день 125-летия Александра Сергеевича: «Есенин стоял на ступеньках пьедестала, светлые его кудри резко выделялись в толпе.

Большая Никитская, дом 58

В руках он держал букет цветов, который от Союза писателей он возложил к подножию памятника. Он читал свое известное стихотворение, посвященное Пушкину<...>» Иван Никанорович Розанов был старше Сергея Есенина на 21 год и пережил поэта на 34 года. Знаток поэзии, он собрал огромную, около восьми тысяч томов, библиотеку по этой теме. После смерти Розанова в 1959 году вдова передала ее в дар московскому Музею А.С. Пушкина.

Сергей Есенин и Юргис Балтрушайтис

21 января 1916 года в Москве в помещении частной картинной галереи Лемерсье в Салтыковском/ Дмитровском переулке (дом не сохранился) на собрании «Общества свободной эстетики» выступили с чтением своих произведений два поэта: Николай Клюев, известный в обеих столицах, и «странного вида» белокурый юноша – Сергей Есенин. Литературовед Иван Никанорович Розанов подробно описал это событие в дневнике. Клюев «поражал своею красочностью и яркою образностью», но другого, Есенина, Розанов нашел «проще и свежее». Мнения зрителей разделились. Многие отдавали предпочтение Клюеву. Иван Никанорович внимательно прислушивался к разговорам в фойе... Сергей Есенин, читавший о Евпатии Рязанском, «Корову» и «В хате», понравился ему больше: «Кажется, в первый раз в русской литературе поэт привлекал внимание к горю коровы. Еще более произвело на меня впечатление «В хате» («Пахнет рыхлыми драченами...»), а особенно три последние строчки: «От пугливой шумоты// Из углов щенки кудлатые// Заползают в хомуты». И ночью, уже ложась спать, я все восхищался этой «пугливой шумотой» и жалел, что не могу припомнить всего стихотворения». На следующий день газета «Утро России» в заметке «Вечер народных поэтов» сооб-

шила: «Оба поэта имели у слушателей успех». Похоже, поэт-символист Юргис Казимирович Балтрушайтис тоже присутствовал на этом вечере поэтов: уже на следующий день, 22 января, он подарил Есенину два сборника своих стихов. На первом из них – «Земные ступени» – написал: «Сергею Александровичу, Поэту – автор». На втором – «Горная тропа» – написал: «Сергею Александровичу Есенину. Милому поэту русского раздолья и всех его дорог. С приветом Балтрушайтис. Москва. 22.1.16» Слово «Поэт» с большой буквы говорит о том, что поэту-символисту стихи тоже пришлись по душе. Несмотря на солидную разницу в возрасте поэтов (22 года), многое их роднило: оба из крестьян (Балтрушайтис выходец из бедной литовской деревни), оба жадно стремились к знаниям (Балтрушайтис самостоятельно освоил грамоту, после закончил Московский университет). Юргису Казимировичу были близки и знакомы образы поэзии Есенина и его евангельские мотивы. В конце января 1916 года издатель М.В. Аверьянов выпустил в свет первую книгу Сергея Есенина «Радуница», и уже 9 февраля юный поэт делает поэту-символисту ответный подарок. В Петербурге. Лукавая надпись-загадка такова: «От поемов Улыбиша перегудной Мещеры поэту ипостасной чаши скорбной тропы Ю. Балтрушайтису на добрую память от баяшника соломенных суемов. Сергей Есенин. 1916.9 февр. Пт». О Юргисе Казимировиче известно немного. Прекрасно образован, знал языки, делал переводы Ибсена, Кнута Гамсуна, Ницше, Ос-

кара Уайльда, Метерлинка. Дружил с Валерием Брюсовым и Константином Бальмонтом. Все трое организовали издательство «Скорпион». Был очень требователен к себе и другим. Писал на русском (преимущественно) и литовском языках. Интересна история женитьбы Юргиса Балтрушайтиса. Литературный труд не приносил дохода, и бедный студент подрабатывал репетиторством. В него влюбилась наследница миллионера, владельца крупнейшего в Российской империи Колокольного завода в Ярославле и Московской фабрики церковной утвари с многочисленными магазинами, Маша (Мария Ивановна) Оловянишникова. Венчались тайно, в 1899 году. Шафером на свадьбе был Валерий Брюсов. Некоторое время жили бедно, но в любви и согласии: брак оказался наредкость счастливым. Сердца родителей дрогнули. Молодым выделили квартиру в доме Оловянишниковых на Покровском бульваре (дом № 4). Летом на даче на Оке у семьи Оловянишниковых-Балтрушайтисов отдыхали многие символисты: Брюсов, Бальмонт, Вяч. Иванов и др. После 1917 года завод, фабрика и магазины были закрыты.

Оловянишниковы стали лишенцами. И тут им очень помог зять. С 1922 года он был уже чрезвычайным полномочным послом Литовской Республики в Москве, и устроил родственникам жены выезд за границу. Пути Сергея Есенина и Юргиса Балтрушайтиса постоянно пересекались: был общий круг общения. В 1918 году Балтрушайтис работал в Лито Наркомпроса, в Тео заведовал репертуарной политикой.

Он и поэт Владислав Ходасевич составляли репертуарные списки, пытались протянуть классику, несмотря на то, что пролетариат требовал водевилей, со слов Ходасевича. К этому же периоду относятся воспоминания Ходасевича о разговоре с Ольгой Каменевой, активной деятельницей Наркомпроса, женой Льва Каменева и сестрой Троцкого: «Вдруг – отвратительно, безобразно, постыдно, без всякого перехода, как привычный следователь, Ольга Каменева ошарашивает меня вопросом: «А как по-вашему, Балтрушайтис искренне сочувствует советской власти?» Этот шпионский вопрос крайне мерзок потому, что Балтрушайтис, как всем известно, личный знакомый Каменевых. Он бывает у них запросто, а меж тем Ольга Давидовна шпионит о нем окольными путями». Есенин и Балтрушайтис часто встречаются во Всероссийском Союзе поэтов, имеют общих знакомых – К. Петрова-Водкина, Андрея Белого, Владислава Ходасевича, Сергея Городецкого, Всеволода Мейерхольда... Стихи обоих поэтов публикуют в одних и тех же сборниках и альманахах. Они посещают одни и те же литературные кафе (например, «Красный петух»), студию Жоржа Якулова... Юргис Казимирович тоже трудится в книжной лавке – «Книжной лавке искусств». С 1920 года Балтрушайтис живет с семьей на Поварской, в доме в стиле модерн (№ 24), в Представительстве Литовской республики.

Покровский бульвар, дом 4

Поварская, дом 24

Лишь в 1937 году он с женой и детьми уезжает из страны в Париж. И семья, наконец, воссоединяется. Приятель Есенина Рюрик Ивнев написал о Юргисе Балтрушайтисе годы спустя: «Мы знаем примеры, когда современники проходили мимо крупных талантов, не замечая их. <...> Недавно в Вильнюсе вышла книга стихов поэта Юргиса Балтрушайтиса, известного в литературе из истории символизма. Несмотря на щедрые похвалы, расточаемые его стихам Вячеславом Ивановым и Валерием Брюсовым, этот талантливый

вый поэт оставался в тени. У него не было посмертной славы <...>Балтрушайтис получил лишь посмертную известность, и то весьма ограниченную». Поэт скончался в Париже в 1944 году. Вспомним и мы добрым словом поэта, приветившего Сергея Есенина на пороге его славы.

«Скоропечатня А.А. Левенсона»

Это изящное здание в Трехпрудном переулке связано с любопытной страницей биографии Сергея Есенина... Маленькая типография в Рахмановском переулке к концу XIX века выросла в довольно крупное производство. Для его дальнейшего расширения был куплен участок в Трехпрудном переулке (дом 9). Проект заказали знаменитому архитектору, живописцу, сценографу Федору Осиповичу Шехтелю, который давно сотрудничал с типографией в качестве художника. Он слыл лучшим виньетистом, свое пристрастие к этому виду книжных украшений мастерски воплощал и в орнаментах чугунных оград, непременно окружавших его каменные шедевры в стиле модерн. Проект зданий Товарищества «Скоропечатня А.А. Левенсона» получился замечательный. На красной линии переулка расположился сказочный замок с помещениями для издательства, редакций, кабинетов руководства. За спиной замка – цеховые помещения более строгих очертаний, кладовые для бумаги, красок и других материалов. Техническое оснащение типографии – по последнему слову!

Теперь о том, что привело начинающего, но уже известного, поэта Сергея Есенина в «Скоропечатню А.А. Левенсона». 1916 год. Империалистическая война в самом разгаре. К этому времени уже вышел первый сборник стихов С. Есенина.

на «Радуница». Гениальному юноше грозит отправка на передовую, в окопы. О его судьбе хлопочут новые друзья – Михаил Мурашев и Николай Клюев. Советуют призываться не из Рязани, а из Петербурга. Благодаря их стараниям поэт откомандирован в Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Поезд приписан к царскосельскому лазарету, находящемуся под опекой государыни и царевен, и доставляет в него раненых с полей сражений. Уполномоченным по поезду № 143 являлся полковник Дмитрий Николаевич Ломан, влиятельный царедворец. К юному поэту полковник относился с симпатией, позволял ему многое, что не полагалось простым санитарам. Дмитрий Николаевич, член «Общества возрождения художественной Руси», смог по достоинству оценить масштаб дарования Есенина. Юноша был представлен царственным особам, выступал перед ними с чтением стихов. Не без санкции самого Григория Распутина, «друга» царской семьи, как считал поэт Владислав Ходасевич. 22 июля 1916 года в день тезоименитства великой княгини Марии и великой княжны Марии в Федоровском городке Царского Села был устроен большой праздник, приглашены артисты. По просьбе полковника Ломана Есенин написал стихотворение, посвященное юным княжнам, – прекрасное, грустное, и, как оказалось, провидческое: «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» Художник красиво оформил его на пергаменте. Сергей Есенин

прочел стих в присутствии высочайших особ и подарил им свою «Радуницу». Во время военной службы, воодушевленный успехами, поэт подготовил материал для второго сборника стихов – «Голубень». Сборник составляли стихи 1915–1916 годов. Читателю предстояло окунуться в гармоничный мир природы, где взаимодействуют люди, животные и растения. В октябре 1916 года полковник Ломан, обсудив проект издания «Голубени» с Н. Клюевым и С. Есениным, принял решение профинансировать сборник. Находясь по делам в Москве, Есенин сдал макет будущей книги в одну из лучших типографий России – Товарищество «Скоропечатня А.А. Левенсона». К середине ноября набор книги находился уже в стадии корректуры. Ознакомившись с гранками, полковник принял неожиданное решение: воздержаться от выпуска этой книги. Взамен он предложил Есенину и Клюеву издать при своем финансировании совместный сборник их стихов, воспевающих царя и Собор Федоровского городка. О подготовке книги «Голубень» с несколькими верноподданныческими стихами, посвященными императрице, с ее благосклонного согласия, которое, якобы, получил рязанский самородок, каким-то образом узнала «передовая либеральная общественность». Поднялась шумиха по этому поводу. Либералы Петербурга, которые совсем недавно наперебой приглашали юношу в свои литературные гостиные, возмущенно отвернулись от него. Озадаченные отказом финансирования «Голубени», на предложение подготовить другой

сборник – во славу царя, проинформированные о негативном отношении общества, поэты, посовещавшись, ответили Ломану отказом. Клюев изложил его полковнику в своей обычной иносказательной манере – в письме-трактате «Бисер малый из уст мужицких». Ломан был возмущен отказом, и наложил на Есенина дисциплинарное взыскание: отправил его в Могилев, в ставку Главнокомандующего, то есть на фронт. Есенина спасла Февральская революция. До Могилева он не доехал.

Книга «Голубень» вышла уже после Февральской революции. Посвящение императрице Есенин снял, но у букинистов сохранилось несколько оттисков в первоначальном виде. Некоторые исследователи с недоверием относились к рассказу Есенина о дисциплинарном батальоне, но, как оказалось, в воспоминаниях поэта все-таки больше правды.

Возможно, и к рассказу о дружбе поэта с Анастасией, младшей из царевен, воспроизведенному в мемуарах Надежды Вольпин, тоже стоит отнестись с большим вниманием?

Трехпрудный переулок, дом 9

Издательский комплекс А.А. Левенсона после 1917 года был национализирован. Назывался уже Типографией № 16 треста Мосполиграф. В феврале 1922 года здесь проходил сбор первого в стране пионерского отряда. Типографию закрыли в 1942 году. Недавно прекрасное здание отреставрировали.

Малый Знаменский переулок, дом 8

Цилиндр, крылатка, модный костюм-тройка появятся потом. Фотографии элегантного молодого поэта будут выставлены в окне известного фотоателье. За Есениным будут ходить толпы поклонников, стричься «под Есенина», обзаведутся курительными трубками в подражание! А в начале поэтического пути юного Сережи его сценический костюм – в стиле «а ля рюс». Образ пастушка сложился случайно: взятый напрокат фрак для первого публичного выступления в Петербурге ему совершенно не подходил. Тогда-то и пришла в голову Сергею Городецкому, опекавшему парнишку на первых порах, нарядить его в плисовые шаровары и шелковую рубаху, его – всегда одетого по-городскому, в пиджак и галстук. Сколько же ироничных воспоминаний оставили современники об этом наряде!

Малый Знаменский переулок, дом 8

И Георгий Иванов, и крестьянский поэт-приятель Пимен Карпов, и издательский работник П.Н. Зайцев, и даже М. Горький. По протекции полковника Ломана приехавшие в Москву в январе 1916 года Есенин и Клюев, перед почетным выступлением в Марфо-Мариинской Обители, специально заказали себе сценические костюмы и сапоги в Мастерской русского платья братьев Стуловых, по адресу: Малый Знаменский переулок, дом 8 (Доходный дом братьев П. Т. и Н.Т. Стуловых). Н.Т. Стулов вспоминал: «Я отобрал по их указа-

нию материал и отдал в работу вещи. Сапоги с трудом, но удалось найти; они выбрали цвет кожи золотисто-коричневый, хотя не совсем стильный, но очень приятный, не режущий глаз». Любуясь обновкой, Есенин говорил Анне Изрядновой о своих сапожках на высоком наборном каблуке: «Под пятой, пятой хоть яйцо кати...»

Марфо-Мариинская Обитель

Покровский собор, в оформлении которого принимали участие М. Нестеров, П. Корин, С. Коненков

Вскоре после гибели мужа, московского генерал-губернатора Сергея Александровича, великая княгиня Елизавета Федоровна продала свои драгоценности, отдав в казну их часть, принадлежащую Дому Романовых, и на вырученные деньги купила в Замоскворечье на Большой Ордынке

(дом 36) усадьбу с обширным садом. Здесь и была в 1909 году основана ею Марфо-Мариинская Обитель Милосердия – не совсем обычный монастырь. Сестры обители не являлись, в полном смысле, монахинями: они занимались духовно-просветительской и медицинской деятельностью, а, по истечении определенного срока, могли вернуться к светской жизни, стать свободными от данных прежде обетов. Сестры Обители не только давали еду и одежду нуждающимся, но и помогали получить профессию и работу. В январе 1916 года Сергей Есенин и Николай Клюев удостоились чести предстать перед Великой княгиней в качестве подарка от полковника Дмитрия Николаевича Ломана, доверенного лица Императрицы Александры Федоровны. Сказители выступали в резиденции Елизаветы Федоровны, расположенной в Обители. Московвед Нина Молева так описывает обстановку этой светской квартиры: «Множество мягкой, обитой зеленым бархатом мебели. Целый зимний сад растений. Бесконечные шитые дорожки и салфетки. Легкий сумрак от прозрачных кружевных штор – окна гостиной выходили на Большую Ордынку. Чай в тончайшем фарфоре. Крохотные витые серебряные ложечки. Крендельки на подносике. Сливочник.<...>Теплилась большая лампада перед образами». Приветливо принимала Великая княгиня сказителей в поддевках, рубахах-косоворотках, в высоких сапогах. Среди гостей присутствовали художники М.В. Нестеров и В.М. Васнецов. Елизавета Федоровна, очарованная выступ-

лением, долго расспрашивала поэтов о жизни и стихах. Златокудрому песеннику подарила она Евангелие и серебряный образок с изображениями иконы Покрова Пресвятой Богородицы и святых Марфы и Марии. Этот год Есенин и Клюев еще тесно общаются и везде ходят вместе...

Памятник Великой княгине Елизавете Федоровне работы скульптора В. Клыкова

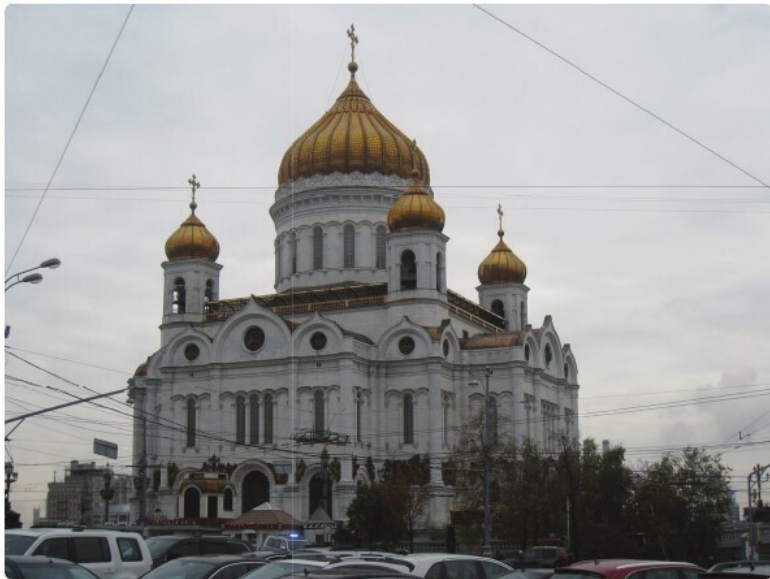
Резиденция Великой княгини Елизаветы Федоровны

Храм Христа Спасителя

В октябре 2005 года страна отмечала 110-летие поэта Сергея Есенина. По этому поводу в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя (Волхонка, 15–17) был дан грандиозный концерт. Просторный зал со множеством кресел, обитых ярко-красным бархатом, лампочки, густо рассеянные по темному потолку и напоминающие о звездах небесных, фойе с зимним садом – все подчеркивало торжественность события. В концерте принимали участие известные артисты, начиная с легендарного Хореографического ансамбля «Березка»... Каждого участника публика встречала и провожала овациями. На общем эмоциональном подъеме совсем не думалось о печальных и сбывшихся пророчествах в судьбе и самого Храма и великого поэта.

Храм Христа Спасителя, в котором проходило празднование юбилея, был лишь воссозданием, осуществленным в 90-х годах, разрушенного в феврале 1931 года. На тот, прежний, деньги собирали всем миром, возводили его в честь победы над Наполеоном и в память о героях, погибших в Отечественную войну 1812 года. Под строительство Храма решили выделить участок на левом берегу реки Москвы, недалеко от Кремля, на месте снесенного Алексеевского женского монастыря. Одна из монахинь уничтоженного монастыря предрекла, что новый Храм не простоит и 50-ти лет. Храм

строился 44 года и был освящен в мае 1883 года. А в 1916 году при посещении Храма, по воспоминаниям поэта Николая Клюева в передаче М.И. Голгофской, случилось следующее: «Мы идем с Сереженькой по Москве и уже в третьем часу ночи заходим в Храм Христа Спасителя. И тут со стороны стены отделяется схимница в черном платке по брови и, обращаясь к Есенину, говорит: «Уходи отсюда, висельник!» Другой случай описывает Вольф Эрлих: «Вечер. Стоим на Москве-реке возле Храма Христа Спасителя. Ласточка с писком метнулась мимо нас, и задела его крылом за щеку. Он вытер ладонью щеку и улыбнулся: «Смотри, кацо: смерть – поверье такое есть, – а какая нежная!» Анатолий Васильевич Луначарский, поговаривали, обещал Айседоре Дункан в Храме Христа Спасителя разместить ее танцевальную школу! Не сложилось... А Анатолий Мариенгоф, именно у стен Храма, впервые подумал, что дружбе его с Есениным настал конец... Храм не простоял и 50 лет. На его месте планировали соорудить величественный Дворец Советов. После первого взрыва Храм даже не дрогнул. Когда он наконец был разрушен – для разбора обломков понадобилось полтора года! Осуществить проект было не суждено. С подземными водами справиться не смогли, и на месте разрушенного Храма построили бассейн «Москва» в 1960 году.

Восстановленный Храм Христа Спасителя

Малая Молчановка, дом 8

В конце декабря – начале января 1917 года Николай Клюев писал Александру Ширяевцу: «Теперь я в Петрограде живу лишь для Сереженьки Есенина – он единственное мое убежище, а так все сволочь кругом. Читал ли ты «Радуницу» Есенина? Это чистейшая из книг, и сам Сереженька воистину поэт – брат гениям и бессмертным. Я уже давно сложил к его ногам все свои дары и душу с телом своим. Как сладостно быть рабом прекраснейшего!<... > я с появлением Сереженьки все меньше и меньше возвращаюсь к стихам, потому что все, что бы ни написалось, жалко и уродливо перед его сияющей поэзией». В 1917 году, в период самого расцвета поэтического дарования и человеческого обаяния юного поэта, на Страстной неделе (Пасха в этот год была 2 апреля) в Москву в очередной раз приехали из Петрограда маститый Клюев и его подопечный Есенин. В тот свой приезд и навестили поэты Алексея Николаевича Толстого на Арбате, на Малой Молчановке, 8. Спустя много лет эту встречу описала тогдашняя жена Толстого – писательница Н. Крандиевская-Толстая. Алексей Николаевич позвал в столовую жену посмотреть на гостей: «Клюев привел Есенина. «Выйди, познакомься. Он занятный». Я вышла в столовую. Поэты пили чай. Клюев, в поддевке, с волосами, разделенными на пробор, с женскими плечами, благостный и сдобный, по-

хож был на церковного старосту. Принимая от меня чашку с чаем, он помянул про Великий пост. Отпихнул ветчину и масло. Чай пил «по-поповски», накрошив в него яблоко. Напившись, перевернул чашку, перекрестился на этюд Сарьяна и принялся читать нараспев вполне доброкачественные стихи. Временами, однако, чересчур фольклорное какое-нибудь словечко заставляло насторожиться. Озадачил меня также его мизинец с длинным, хорошо отполированным ногтем. Второй гость, похожий на подростка, скромно покашливал. В голубой косоворотке, миловидный, льняные волосы уложены бабочкой на лбу. С первого взгляда – фабричный паренек, мастеровой. Это и был Есенин. На столе стояли вербы. Есенин взял темно-красный прутик из вазы. «Что мышата на жердочке», – сказал он вдруг и улыбнулся. Мне понравилось, как он это сказал, понравился юмор, блеснувший в озорных глазах, и все в нем вдруг понравилось. Стало ясно, что за простоватой его внешностью светится что-то совсем не простое и не обычное. Крутя вербный прутик, он прочел первое свое стихотворение, потом второе, потом третье. Он читал много в этот вечер. Мы были взволнованы стихами, и не знаю, как это случилось, но в благодарном порыве, прощаясь, я поцеловала его в лоб, прямо в льняную бабочку, ставшую вдруг такою же милою мне, как и все в его облике».

Малая Молчановка, дом 8

Сергей Есенин и эсеры

Леонтьевский переулок, дом 18. Изящная чугунная решетка отделяет этот нарядный особняк в глубине небольшого сада от тротуара. Особенно он хорош в кружеве теней, отбрасываемых деревьями. Сейчас здесь расположилось Посольство Украины. А в 1918 году его порог часто переступала нога белокурого юноши, будущего великого поэта, Сергея Есенина. В стан эсеров его привели мечты о крестьянском благоденствии. В 1916 году вокруг Разумника Васильевича Иванова (Иванова-Разумника) – литературоведа, критика, публициста – образовалась группа «Скифы», тяготевавшая к левому крылу партии социалистов-революционеров. В нее входили А. Белый, А. Блок, Н. Клюев, О. Форш, С. Есенин... Член партии, Разумник Васильевич стал для Сережи Есенина духовным отцом. Есенин писал поэту А. Ширяевцу об Иванове-Разумнике: «Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь от себя». Для эсеров деление общества на классы определялось отношением к труду и источникам доходов; признавая отделение церкви от государства, эсеры относились с пониманием к религиозным традициям простого народа. До революции некоторые священники-эсеры становились депутатами Государственной Думы. Главная роль интеллигенции представля-

лась эсерами в том, чтобы нести идеи социализма в крестьянство и пролетариат. Позднее Есенин подчеркивал, что «работал с эсерами не как партийный, а как поэт». С первой женой, Зинаидой Райх, Сергей Александрович познакомился в газете эсеров, где она работала секретарем-машинисткой, а он печатал свои стихи. С переездом правительства в Москву в 1918 году ЦК левого крыла партии социалистов-революционеров и редакциям их печатных органов – газетам «Знамя труда» и «Голос трудового крестьянства» – был выделен особняк в Леонтьевском переулке. Сотрудник редакции, близкий знакомый Есенина, Вениамин Левин (их жены – обе Зиночки – дружили, семьи часто общались) вспоминал поэта той поры: «Есенин был с нами, возле нас. Его стихи или изредка статьи с отзывами о сборниках стихов (так, например, я помню о «Зареве» Орешина) я помещал в газете, никого не спрашивая из номинальных членов редакции (М. Спиридонова, Б. Камков, В. Трутовский). <...> Мне хотелось всегда сделать ему что-нибудь приятное, радостное. Он был юн, блондин с голубыми, немного с сумасшедшинкой, глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.